

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

И.А. Никифоров*

АСЕАН КАК СООБЩЕСТВО БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Сообщество в сфере политики и безопасности АСЕАН (СПБА) — новейшая масштабная инициатива Ассоциации, направленная на поддержание мира в регионе через формирование общих норм и правил поведения. Появление данной структуры вызвало весьма оживленную дискуссию среди экспертов по Юго-Восточной Азии: можно ли говорить о построении в АСЕАН сообщества безопасности в его классическом, теоретическом понимании? В настоящей статье рассмотрены аргументы сторон и предпринята попытка ответить на данный вопрос. Оптимистически настроенные приверженцы конструктивизма во главе с А. Ачарьей отстаивают жизнеспособность своей модификации концепции сообществ безопасности применительно к данному региону, ключевыми элементами которой являются региональная идентичность и обладающие конструирующей функцией нормы. Их оппоненты, придерживающиеся позиций реализма (Н. Ху, М. Лейфер), настаивают на неприменимости идей конструктивистов в реалиях АСЕАН и неспособности государств региона сформировать сообщество безопасности. По результатам анализа сделан вывод о том, что оба подхода не лишены недостатков, а точку в их споре ставить преждевременно ввиду того, что создание сообщества безопасности в АСЕАН — процесс, далекий от завершения. В настоящее же время, с точки зрения автора, наиболее уместным и соответствующим реальной обстановке в регионе является альтернативный, умеренно критический подход, позволяющий сравнить Ассоциацию с режимом безопасности.

Ключевые слова: АСЕАН, Сообщество АСЕАН, Сообщество в сфере политики и безопасности АСЕАН, СПБА, сообщество безопасности, конструктивизм, реализм, режим безопасности, нормы, идентичность.

* *Никифоров Илья Александрович* — аспирант кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ake.nikiforov@gmail.com).

Ассоциация стран Юго-Восточной Азии, в 2017 г. отметившая 50-летний юбилей, на сегодняшний день является одним из наиболее динамично развивающихся интеграционных объединений в мире. В 1967 г. АСЕАН представляла собой группировку из пяти стран региона (Индонезии, Малайзии, Таиланда, Сингапура и Филиппин), озабоченных в равной степени проблемами социально-экономического развития, с одной стороны, и противодействия растущей «коммунистической угрозе» — с другой. Впоследствии вторая проблема потеряла актуальность, в АСЕАН одна за другой вступили новые страны, и к концу 1990-х годов Ассоциация объединяла все 10 государств Юго-Восточной Азии. Расширение организации обострило вопросы экономического развития (за счет того, что новые участники — Лаос, Камбоджа, Вьетнам и Мьянма — существенно отстают от остальных), а также поставило новые задачи, в частности совершенствование механизмов функционирования блока, который объединяет теперь весь регион. Указанные вызовы потребовали всестороннего развития и интенсификации сотрудничества между участниками, чем они активно и занялись, реализовав в рамках АСЕАН множество разнообразных проектов и инициатив.

К деятельности Ассоциации всегда было приковано повышенное внимание экспертного сообщества, обусловленное в том числе геополитической важностью региона. Работе АСЕАН даются разные оценки: специалисты разделились на оптимистов [Acharya, 2001; Khoo, 2015] и скептиков [Leifer, 2000; Emmerson, 2006]. В последнее время дискуссии между ними ведутся особенно активно в связи с тем, что не так давно АСЕАН запустила, пожалуй, наиболее масштабную свою инициативу. В 2003 г. на Балийском саммите АСЕАН лидеры стран-участниц приняли решение о создании Сообщества АСЕАН, состоящего из трех подразделений, или сообществ: в области политики и безопасности, экономики и социально-культурной сферы. Наиболее жаркая дискуссия в экспертной среде на сегодняшний день разворачивается вокруг Сообщества в сфере политики и безопасности АСЕАН (СПБА).

Сущность СПБА была зафиксирована в подписанной по итогам саммита декларации «Балийское согласие — 2». В документе отмечено, что создание данной структуры направлено на поддержание мира в регионе, выработку продуктивного подхода к противодействию нетрадиционным угрозам безопасности и развитие сотрудничества с внешними партнерами по соответствующим вопросам. Особое внимание уделено взаимоотношениям

между участниками Ассоциации, что, на наш взгляд, является наиболее важным аспектом этого проекта. Отметим ключевые положения декларации:

- члены Ассоциации придерживаются исключительно мирных путей решения конфликтов в регионе и воспринимают собственную безопасность в ее неразрывной связи с безопасностью других государств АСЕАН;
- участники уважают национальный суверенитет других членов и следуют принципу невмешательства во внутренние дела друг друга, все решения основываются на консенсусе;
- Сообщество АСЕАН не будет построено в формате военного союза и не предполагает выработку единой внешнеполитической линии; вместо этого оно базируется на принципе всеобъемлющей безопасности, подразумевающим следование во всех аспектах общим нормам поведения, принятым в организации;
- участники используют превентивную дипломатию, а также меры, направленные на укрепление взаимного доверия (confidence building measures)¹.

Заложенные в Балийской декларации принципы были в дальнейшем конкретизированы, на их основе сформулированы задачи, которые зафиксированы в опубликованном в 2008 г. Плане Сообщества АСЕАН. В данном документе в духе принятого в организации свободного и неформального подхода еще раз отмечено, что в основу Сообщества ляжет приверженность участников общим ценностям и нормам поведения, направленным на достижение солидарности государств по всем важным вопросам².

Те принципы, на которых базируется СПБА, равно как и сам факт появления такого проекта, вдохнули новую жизнь в старую дискуссию среди экспертов по региону: является ли в настоящий момент АСЕАН сообществом безопасности как таковым?

В данной статье предпринята попытка сравнить существующие подходы (главным образом конструктивистский и реалистский) к проблеме применимости концепции сообществ безопасности в отношении реалий Юго-Восточной Азии. В современной исследовательской литературе (по большей части зарубежной) существует немало работ, в которых отстаивается та или иная

¹ Bali Concord II. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2003. Available at: http://asean.org/?static_post=declaration-of-asean-concord-ii-bali-concord-ii (accessed: 15.05.2017).

² ASEAN Political-Security Community Blueprint. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2007. P. 2–3.

точка зрения. В рамках статьи автор постарается передать суть сложившейся дискуссии, проанализировать сильные и слабые стороны представленных подходов и сделать выводы относительно перспективности их применения к анализу указанной проблемы.

В первой части статьи рассмотрены концепция сообществ безопасности в ее классическом варианте, ее ключевые положения и основные вехи развития. Во второй части автор анализирует, каким образом данная концепция была адаптирована и применена к анализу ситуации в АСЕАН и какие споры она вызывает в контексте Юго-Восточной Азии.

* * *

В основе дискуссии лежит концепция сообществ безопасности, которую предложил в 1957 г. известный теоретик международных отношений Карл Дойч [Deutsch, 1998: 121]. Под сообществом безопасности он подразумевал группу государств, наладивших мирное сотрудничество, исключивших применение силы для решения конфликтов между собой. Важнейшим условием успешного функционирования такого сообщества является фактор уверенности государств в том, что участники объединения будут придерживаться мирных путей преодоления разногласий. Формирование такой уверенности происходит постепенно, в ходе долговременного мирного сосуществования стран, а также их плодотворного сотрудничества в различных сферах. В этой связи помимо простого миролюбивого настроения участников по отношению друг к другу большую роль играют тесные экономические связи, культурный обмен, туризм, миграция. Ускорить процесс создания сообщества безопасности, укрепить его могут также и внешние факторы, например общая для всех участников военная угроза.

К. Дойч разделил сообщества безопасности на «амальгамированные» и «плюралистические». «Амальгамированные» сообщества — результат слияния двух и более единиц, в ходе которого они теряют независимость и создаются общие политические институты. В качестве примера ученый приводил США. «Плюралистическое» сообщество соответственно не предполагает общего правительства, его участники сохраняют суверенитет. Примером такого типа К. Дойч называл сотрудничество США и Канады [Deutsch, 1998: 124].

Достаточно долгое время концепция сообществ безопасности не пользовалась большой популярностью в среде исследовате-

лей международных отношений. В условиях «холодной войны» доминирующее положение в специальной литературе занимал политический реализм. С точки зрения этого подхода, ключевыми представителями которого были Г. Моргентау и Р. Арон, международные отношения — это арена борьбы государств, которые стремятся к увеличению собственной власти и уменьшению власти других [Snyder, 2004]. После окончания «холодной войны», с распадом биполярной системы, существенно ослабили позиции реалистской и неореалистской парадигм в теории международных отношений. Возвращение идеи сообществ безопасности в поле зрения ученых пришлось на период «конструктивистского бунта против неореализма» [Acharya, 2001: 3].

Действительно, концепция сообществ безопасности удачно вписалась в конструктивистское видение международных отношений: большое внимание в рамках данной парадигмы уделяется идеям, интересам и идентичности их акторов. В этом состоит ее отличие от других теорий, где во главу угла ставятся материальные факторы: от реализма, сторонники которого делают упор на силу и военную мощь государств, и либерализма, сфокусированного на экономическом благополучии. В рамках конструктивизма поведение государств на международной арене связывается с интересами элит, общими нормами и спецификой коллективных идентичностей. Активно применяются наработки социологии, а функционирование системы международных отношений рассматривается в процессе ее «конструирования» акторами [Wendt, 1992].

Существенное внимание приверженцы конструктивистского подхода уделяют представлению о трансформации государства как актора международных отношений. С позиции конструктивистов, современные коммуникационные технологии и заложенные в них безграничные возможности распространения различных идей и ценностей приводят к подрыву традиционной «национальной привязанности». Международное право и прочие нормы размывают суверенитет и расширяют потенциал применения государством своей власти. Дискурс формирует то, как политические акторы себя идентифицируют, как видят свои интересы и как меняют свое поведение. Это приводит к появлению принципиально новых форм политических объединений [Walt, 1998]. Данное положение может служить связующим звеном, позволяющим органично вписать концепцию сообществ безопасности в общее русло конструктивистской парадигмы.

Более того, в рамках конструктивистского подхода идеи К. Дойча были расширены. Большую роль в этом сыграли Эмануэль Адлер и Майкл Барнетт. Важнейшим их дополнением к теории К. Дойча стала идея эволюционного развития сообществ безопасности. По их мнению, такое сообщество проходит три жизненные стадии: «зарождающееся», «восходящее» и «зрелое». На первом этапе речь идет не столько о целенаправленном создании сообщества безопасности как такового, сколько о сближении государств для расширенного сотрудничества в различных сферах и формирования дополнительных возможностей для обеспечения собственной безопасности. Второй этап главным образом характеризуется дальнейшим углублением связей между государствами, для этого создаются различные новые институты, страны координируют работу и формируют коллективную идентичность. Ее появление отличает третий этап, когда у участников создается представление в духе «свой—чужой» по отношению к коллегам по сообществу и внешним государствам [Adler, Barnett, 1998a].

Э. Адлер и М. Барнетт также разделили сообщества безопасности на два типа: «свободно связанные» (*loosely-coupled*) и «тесно связанные» (*tightly-coupled*) [Adler, Barnett, 1998a: 30]. Первый вариант базируется на коллективной идентичности, общем «стиле жизни», который декларируют участники. Намерения государств, их принципы сотрудничества формулируются в виде набора норм, согласованного всеми членами. В сообществе такого типа основную роль играет неформальный фактор: характер отношений между участниками формирует у них уверенность в невозможности каких-либо конфликтов или вражды внутри объединения. Второй вариант отличается более развитой формой коллективной идентичности (указанное разделение государств по принципу «свой—чужой»). Разрабатывается единая линия поведения всего сообщества в вопросах безопасности, особенно в отношении внешних угроз (система «коллективной безопасности»). Эта линия поведения может закрепляться в соответствующих документах, ее реализация может быть передана на надгосударственный уровень специально созданному координирующему органу. Появление различных наднациональных институтов в принципе является характерной чертой такого сообщества. При необходимости производится гармонизация законодательства стран-участниц. Облегчается передвижение граждан между государствами сообщества: снимаются визовые ограничения, вводятся упрощенные правила и т.д.

Уже при первом приближении можно заметить, что основные принципы Сообщества АСЕАН, заявленные его участниками, в некоторой степени перекликаются с чертами сообщества безопасности по К. Дойчу, Э. Адлеру и М. Барнетту, например нацеленность на исключительно мирное решение конфликтов, подкрепляемая мерами, направленными на достижение прочной уверенности участников в её выполнении. Приверженность общим ценностям и нормам поведения позволяет провести параллель со «свободным» типом сообществ безопасности по классификации Э. Адлера и М. Барнетта. В то же время исторически сложившаяся специфика международных отношений в регионе не позволяет с уверенностью считать АСЕАН сообществом безопасности и вызывает в научном сообществе активную полемику на этот счет. К настоящему времени сложилось несколько точек зрения на данную проблему.

* * *

Сторонники конструктивистской парадигмы в анализе международных отношений полагают, что АСЕАН в полной мере можно считать сообществом безопасности, причем еще до появления самого проекта Сообщества АСЕАН. Ведущим представителем данного крыла является влиятельный современный специалист по региону Амитав Ачарья. Именно этот ученый впервые предпринял попытку применить концепцию К. Дойча к реалиям АСЕАН. При этом он столкнулся с целым рядом трудностей, обусловленных спецификой региона, которые заставили его существенным образом модифицировать идеи К. Дойча.

В первую очередь следует заметить, что концепция сообщества безопасности К. Дойча отличалась ярко выраженной европоцентричностью. В частности, он рассматривал приверженность ценностям демократии в качестве одной из важнейших предпосылок, без которых невозможно формирование подобного объединения. Этих позиций в духе теории «демократического мира» придерживались продолжатели идей К. Дойча — Э. Адлер и М. Барнетт [Adler, Barnett, 1998a].

АСЕАН же представляет собой весьма неоднородный регион — как в отношении политического устройства участников, так и с культурно-идеологической точки зрения. В Брунее, например, функционирует абсолютная монархия, а в Таиланде у власти находится военное правительство, чья верность демократическим идеалам у многих вызывает сомнение. В Камбодже и на Филиппинах усиливаются авторитарные тенденции, а во

Вьетнаме отсутствие политического плюрализма закреплено законодательно. В связи с этим идеи К. Дойча, Э. Адлера и М. Барнетта в чистом виде оказались неприменимы к реалиям Юго-Восточной Азии и потребовали модификации с учетом региональной специфики. Таким образом, первым вопросом, который был поставлен конструктивистами, стал вопрос об актуальности концепции сообществ безопасности в отношении государств, не являющихся демократическими.

А. Ачарья, опираясь на историю становления АСЕАН, пришел к выводу, что создание сообщества безопасности вовсе не обязательно требует от государств-членов приверженности либерально-демократическим принципам, если в основе этого процесса лежит осознанная деятельность участников по формированию общей идентичности [Acharya, 2001: 34]. Иными словами, сообщество в данном случае возникает не «снизу» — не из широкого взаимодействия на всех уровнях, помноженного на схожие политические, культурные, идеологические установки, «объективную совместимость участвующих народов» (по выражению К. Дойча [Deutsch, 1988: 271]). Напротив, можно говорить о том, что этот процесс инициируется «сверху», целенаправленно, и это позволяет в определенной степени игнорировать разного рода различия. Более того, с конструктивистских позиций А. Ачарьи, сама идея сообщества является не только описательной, но и нормативной, поскольку она способна направить развитие группы в нужном направлении. Именно с этим обстоятельством конструктивисты связывают успехи в формировании сообщества безопасности в АСЕАН, несмотря на невысокий уровень экономической взаимозависимости и существующие различия в политической сфере [Acharya, 1998: 218].

В качестве движущей силы процесса создания сообщества безопасности в АСЕАН в рамках этой парадигмы рассматриваются региональные элиты, которые исторически, с окончания Второй мировой войны, вынашивали идею единой Юго-Восточной Азии, пытались восстановить «культурную общность» региона и выстроить «региональную взаимосвязанность» [Acharya, 2001]. В целом идея о важности элит лежит в русле классического конструктивизма, приверженцы которого также рассматривали элиты как важнейшего актора в международных процессах [Walt, 1998].

Еще одна особенность сообщества безопасности в АСЕАН кроется в специфике норм и коллективных идентичностей, лежащих в его основе. Главным тезисом А. Ачарьи в этом от-

ношении стала идея о трансформирующей функции норм как правил приемлемого поведения участников сообщества. По мнению ученого, собственно причиной появления в регионе сообщества безопасности стало то, что здесь исторически сложились и получили широкое распространение такие стандарты поведения, как невмешательство во внутренние дела друг друга, неприменение силы, стремление к независимости и в особенности «путь АСЕАН» [Acharya, 2001]. Последний, с точки зрения эксперта, играл определяющую роль: подобный подход, когда во главу угла ставятся принцип консенсуса, неформальные отношения и отказ от институционализации сотрудничества, является тем, что отличает Юго-Восточную Азию от других регионов. Источником перечисленных норм А. Ачарья считал разного рода официальные документы и договоры, а также «окружающую социальную, культурную и политическую среду» [Acharya, 2001: 47]. Соответственно процесс нормотворчества, инициируемый региональными элитами, выступает как драйвер формирования сообщества безопасности. Особую роль в этом процессе на современном этапе А. Ачарья отводил Региональному форуму АСЕАН (АРФ) как площадке, генерирующей общее мнение по ключевым вопросам повестки дня в области безопасности.

Идентичность же в рамках данного конструктивистского подхода рассматривается как существующее в регионе ощущение общности. Процесс конструирования идентичности, с точки зрения эксперта, происходил в ходе долгой истории сотрудничества и взаимодействия участников Ассоциации. Причем главную роль в этом А. Ачарья отводит социальным и культурным связям, что отличает его подход от либеральной парадигмы, где во главу угла ставится экономическая взаимозависимость. В качестве индикаторов создания общей идентичности в АСЕАН ученый предлагает рассматривать три фактора: приверженность многостороннему подходу в отношениях (вероятно, автор имеет в виду коллективное принятие решений на основе принципа консенсуса), развитие сотрудничества в сфере безопасности и то, как государства самостоятельно определяют, кто входит в состав их группы, а кто выступает внешним игроком [Acharya, 2001: 29].

В рамках классификации сообществ безопасности, предложенной Э. Адлером и М. Барнеттом, АСЕАН является «зарождающимся», т.е. страны находятся на этапе сближения и укрепления взаимного доверия. Развивая их идеи, А. Беллами охарактеризовал сообщество безопасности в Юго-Восточной Азии как «свободно связанное» (loosely-coupled) [Bellamy, 2004: 88].

После того как страны объединения на официальном уровне объявили о старте инициативы Сообщества в сфере политики и безопасности АСЕАН, интерес к этой проблематике ожидаемо возрос [Acharya, 2013]. С течением времени подход сторонников конструктивизма к изучению данного проекта в целом не претерпел заметных изменений: однако спектр анализируемых проблем был расширен: в него вошли осмысление прогресса АСЕАН в реализации начатой инициативы и объяснение различного рода неудач. Так, в своих последних работах А. Ачарья уделил существенное внимание анализу слабых мест СПБА и вызовов, которые стоят на пути реализации этого проекта. Среди них автор выделил: изменения регионального баланса сил, внутренние противоречия в Ассоциации, проблему Южно-Китайского моря, признаки гонки вооружений в регионе, внутривосточные сложности у участников АСЕАН и по-прежнему растущие нетрадиционные вызовы безопасности. Особую важность в контексте рассматриваемой проблемы, на наш взгляд, имеют внутренние противоречия в Ассоциации. Как отмечает А. Ачарья, одним из главных признаков сложившегося сообщества безопасности является тот факт, что война становится «немыслимой» для участников, а в АСЕАН пока об этом говорить не приходится [Acharya, 2013: 6]. В сущности, этот тезис можно интерпретировать так, что А. Ачарья, будучи одним из наиболее последовательных сторонников применения концепции сообществ безопасности к АСЕАН, сам указывает на одно из потенциально слабых мест данного подхода в контексте современных реалий Юго-Восточной Азии.

Таким образом, приверженцы конструктивизма во главе с А. Ачарьей обосновали возможность существования в регионе сообщества безопасности со значительными модификациями. Тот факт, что впоследствии страны АСЕАН на официальном уровне продемонстрировали свою приверженность этой идее и запустили одноименную интеграционную инициативу, продемонстрировал научному сообществу жизнеспособность конструктивистских идей и вызвал всплеск интереса к теме. В целом в настоящее время большая часть зарубежных экспертов признают, что АСЕАН действительно представляет собой зарождающееся сообщество безопасности [Khoo, 2015].

* * *

Существует и противоположная точка зрения: перспективы формирования сообщества безопасности в АСЕАН неопре-

деленны. Наибольший скепсис в этом отношении выражают сторонники неореалистской парадигмы в теории международных отношений. Они ставят под сомнение как возможности конструктивистского подхода при анализе АСЕАН, так и сам этот подход в целом.

Одним из ключевых аргументов противников идеи применения концепции сообществ безопасности в Юго-Восточной Азии является тот факт, что страны АСЕАН нередко вступали в конфликты. Действительно, несмотря на отсутствие масштабных войн, история Ассоциации насчитывает немало эпизодов различных вооруженных столкновений между ее членами в ходе всевозможных территориальных споров. В качестве примера можно привести инциденты на границе Таиланда и Камбоджи в 2011 г., которые не обошлись без человеческих жертв³. Что характерно, таиландско-камбоджийский пограничный конфликт произошел через 8 лет после того, как лидеры Ассоциации объявили курс на мирное разрешение всех противоречий и создание Сообщества АСЕАН. И на сегодняшний день, по мнению некоторых экспертов, структура и дислокация вооруженных сил многих стран региона могут косвенно свидетельствовать о том, что они воспринимают друг друга как потенциальных противников [Kho, 2015: 186].

Сторонники неореалистского подхода отмечают также склонность конструктивистов излишне преувеличивать потенциал «пути АСЕАН»: не было ситуаций, которые дали бы возможность проверить эффективность специфического асеановского подхода по деэскалации масштабных конфликтов, не говоря уже о том, что эпизодические локальные столкновения демонстрируют его слабость в предотвращении подобных ситуаций [Реоу, 2002: 133]. Один из ключевых принципов «пути АСЕАН» — невмешательство в дела друг друга — также подвергается критике. Так, Л. Джонс отмечает, что вовлечение в проблемы соседей исторически было в интересах участников Ассоциации, сам принцип ни в коем случае нельзя считать непреложным: страны региона не только прямо его нарушали, но и предпринимали попытки его «размыть» (например, в процессе рассмотрения Хартии АСЕАН этот документ содержал положения о санкционных механизмах в отношении тех членов Ассоциации, которые допускают нарушения

³Rondonuwu O., Suharmoko A. ASEAN Summit fails to resolve Thai-Cambodia conflict // Reuters. 08.05.2011. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-asean/asean-summit-fails-to-resolve-thai-cambodia-conflict-idUSTRE74709V20110508> (accessed: 05.05.2018).

прав человека на своей территории; они не вошли в итоговую версию, после того как Вьетнам, Лаос и Мьянма дважды пригрозили выйти из обсуждения Хартии) [Jones, 2010].

Критике подвергаются и общие подходы конструктивистов к оценке логики развития отношений в Юго-Восточной Азии. В частности, Н. Ху критикует А. Ачарью за то, что тот не конкретизирует нормы, которые, по его мнению, лежат в основе сообщества безопасности в АСЕАН. По мнению Н. Ху, определить специфические для региона нормы в принципе затруднительно [Khoo, 2004: 44]. Он отмечает, что вместо самостоятельного неформального разрешения спорных ситуаций члены Ассоциации по большей части привлекали к этому третьи стороны. Скепсис ученого вызывает также тезис А. Ачарьи о формировании коллективной идентичности в Юго-Восточной Азии: этот фактор является субъективным и не поддается какому-либо измерению (несмотря на доводы А. Ачарьи) ввиду высокой гетерогенности региона [Khoo, 2015].

Как утверждает Н. Ху, АСЕАН по ряду причин пока не является сообществом безопасности в его классическом понимании. Во-первых, государства Юго-Восточной Азии имеют долгую историю вмешательства во внутренние дела друг друга. Во-вторых, как отмечает ученый, о слабости инициативы Сообщества свидетельствует и неспособность стран АСЕАН урегулировать проблему Южно-Китайского моря и убедить Пекин пойти на компромисс [Khoo, 2015: 194].

Наконец, сторонники политического неореализма выступают с критикой конструктивистского подхода как такового и отстаивают актуальность реализма для анализа региональных проблем безопасности. По мнению Н. Ху, конструктивистская идея о том, что идентичность способна предотвращать конфликты в анархичном (с точки зрения реалистов) мире, является утопичной. Даже если согласиться с тем, что фактор идентичности имеет какой-либо вес в ходе различных конфликтов, в реальности все неизбежно развивается по тем правилам, которые описаны в рамках неореализма. Критике подвергалась и склонность конструктивистов фокусироваться на позитивных нормах и игнорировать негативные. В этой связи Н. Ху призывал конструктивистов пересмотреть свой подход и расширить его. Как отмечал ученый, «пока лидеры АСЕАН и их сторонники сообщества безопасности продолжают отвергать реализм, они отказываются от наиболее сильного инструмента, который по-

мог бы проанализировать растущую роль Китая и справиться с ней» [Khuo, 2015: 195].

Другим последовательным критиком Сообщества АСЕАН с позиций реалистского подхода был Майкл Лейфер, который считается одним из наиболее авторитетных представителей школы реализма в изучении международных отношений и проблематики безопасности в Юго-Восточной Азии. С точки зрения М. Лейфера, определяющим фактором региональной стабильности выступал баланс сил — как между участниками Ассоциации, так и между АСЕАН и внешними акторами, такими как США и Китай. Нормотворчество и формирование коллективной асеановской идентичности (которая является основополагающим элементом в конструктивистской концепции сообществ безопасности), по мнению ученого, сами по себе не играли никакой роли в установлении регионального порядка. Культурные традиции никоим образом не могли стать причиной развития сотрудничества в области безопасности [Acharya, 2006: 78].

Вместе с тем М. Лейфер не отрицал существования в регионе определенного «чувства сообщества», однако подчеркивал слабость этого чувства, что проявилось в многочисленных противоречиях и конфронтациях между членами АСЕАН. По М. Лейферу, те или иные их действия были скорее мотивированы как раз противоположным ощущением — незащищенностью, осознанием собственной уязвимости (*insecurity*) перед другими участниками Ассоциации [Emmerson, 2006: 10]. Соответственно это свидетельствовало о том, что о формировании сообщества безопасности в регионе говорить как минимум преждевременно.

М. Лейфер также подвергал критике ключевой элемент инициативы СПБА — АРФ, который, по мнению ученого, представлял собой «зачаточный и односторонний» инструмент, не способный решить проблемы безопасности в регионе [Leifer, 2000: 117]. Собственно сам факт существования АРФ, в понимании М. Лейфера, служил косвенным доказательством того, что отношения в Юго-Восточной Азии развиваются по логике, описанной реалистами, а не конструктивистами, поскольку он является типично реалистской попыткой повлиять на баланс сил в пользу АСЕАН.

В настоящее время помимо реалистской и конструктивистской парадигм в научном сообществе предлагаются альтернативные варианты осмысления проблематики региональной безопасности в Юго-Восточной Азии. В качестве примера можно привести А. Коллинза, который утверждает, что перечисленные

А. Ачарьей нормы (принцип консенсуса, невмешательство и др.) не способствовали складыванию в регионе сообщества безопасности. С точки зрения эксперта, АСЕАН можно назвать «режимом безопасности» (security regime) [Collins, 2013], который, как удачно заметила Д. Стайн, представляет собой ситуацию, когда интересы акторов «не совсем схожие, но и не совсем конкурирующие» [Stein, 1985]. От сообщества безопасности такой формат отличается отсутствием глубокой гармонии интересов и общей идентичности. Он вполне может возникнуть и там, где отношения между государствами являются антагонистическими, но страны воздерживаются от столкновений по той или иной причине. Так, по мнению А. Коллинза, в АСЕАН участники остаются «эгоистичными акторами, в их отношениях не наблюдалось такого трансформирующего взаимодействия, которое требуется для создания сообщества безопасности» [Collins, 2013: 48]. Можно отметить сходство такой интерпретации с идеями М. Алагалпы (во многом перекликающимися с подходом Английской школы Х. Булла), который во главу угла в международном порядке ставил прагматические соображения: стремление акторов обеспечить себе предсказуемое и стабильное международное окружение, благоприятствующее достижению целей — как индивидуальных, так и коллективных [Alagappa, 2003: 39].

* * *

Как представляется, столь разные взгляды на жизнеспособность концепции сообщества безопасности применительно к Юго-Восточной Азии во многом обусловлены взаимоисключающими позициями конструктивистского и неореалистского подходов. Этим же вызвана и разница в интерпретации фактических достижений Ассоциации на ниве построения Сообщества АСЕАН. Классическое сообщество безопасности по К. Дойчу — результат растущего и углубляющегося взаимодействия участников во всех сферах. В конструктивистском понимании реалий АСЕАН, напротив, первична *идея* сообщества при отсутствии достаточных объективных предпосылок к его возникновению. Эта идея, обладая, в рамках данного подхода, способностью «трансформировать» реальность, и запускает процесс складывания сообщества безопасности с местной спецификой. Весьма уместным при этом кажется замечание А. Ачарьи, сравнившего свою версию сообщества безопасности с «воображаемым сообществом» Б. Андерсона.

Представляется, что подход конструктивистов удачно описывает логику развития отношений в Юго-Восточной Азии, которой пытались следовать создатели СПБА. Например, показательным выглядит их тезис о трансформирующей функции норм. Так, авторы официального Плана Сообщества АСЕАН прямо указали, что формирование (shaping) и распространение (sharing) общих норм и правил поведения являются важной составляющей процесса построения СПБА⁴. В этой связи можно отметить, что идея конструктивистов о трансформирующей функции норм имеет отношение скорее к официальному видению процессов со стороны АСЕАН, нежели к объективному положению дел.

Можно ли говорить, что некие правила поведения в действительности оказывают положительное влияние на отношения в Ассоциации? С одной стороны, усиленно продвигаются принципы невмешательства и консенсуса, составляющие «путь АСЕАН»⁵. С другой стороны, различные конфликтные ситуации, такие как упомянутые ранее столкновения Таиланда и Камбоджи в 2011 г., вызывают сомнения в успехах АСЕАН на пути к миру и согласию в регионе. С нашей точки зрения, именно в отдельных расхождениях идеализированного видения конструктивистов и реалий Ассоциации и находится то слабое место данного подхода, на которое резонно направлено острие критики со стороны скептически настроенных приверженцев реалистской парадигмы. Кроме того, уместными представляются их аргументы относительно эфемерности общей идентичности АСЕАН, еще одного краеугольного камня концепции А. Ачарьи. Неясно, имеется ли такая идентичность в столь разнообразном по составу участников блоке в принципе и если имеется, то какое влияние она оказывает на происходящие в нем процессы.

Если попытаться дать общую оценку подходу конструктивистов к рассматриваемой проблеме, то можно выделить следующий его недостаток, который, на наш взгляд, является ключевым: чрезмерную отвлеченность рассуждений, затрудняющую доказательство их позиции с опорой на реальный опыт Ассоциации. В то же время не лишен недостатков и чистый реализм, который, по нашему мнению, чрезмерно упрощает проблему, сводя

⁴ASEAN Political-Security Community Blueprint. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2007. P. 6.

⁵Ibidem.

логику взаимоотношений в регионе к противостоянию заведомо антагонистических акторов.

Наиболее перспективным представляется умеренный критический подход А. Коллинза, отметившего отсутствие полной гармонии интересов в Ассоциации и заключившего, что члены АСЕАН являются эгоистичными игроками. На наш взгляд, данный подход позволяет осветить проблему без упрощений и предвзятостей, характерных для чистого конструктивизма и реализма. В этой связи взаимодействие государств региона в сфере безопасности видится связанным не с абстрактной региональной идентичностью, о которой говорит А. Ачарья, а с рациональным пониманием собственных интересов, осознанием, что отлаженные механизмы предотвращения и разрешения конфликтов являются необходимым условием благополучного существования и развития всех сторон.

В заключение стоит признать, что ставить точку в дискуссии пока, безусловно, преждевременно. Дело в том, что создание Сообщества в сфере политики и безопасности АСЕАН — это продолжающийся процесс, далекий от завершения. В 2015 г. лидеры стран-участниц приняли решение продлить его до 2025 г. и подготовили соответствующий план⁶. Однако на этом пути приближения АСЕАН к состоявшемуся сообществу безопасности имеются определенные проблемы, которые кроются в том, что практическая реализация намеченных Ассоциацией идей зачастую оставляет желать лучшего, причем в отношении данного факта «оптимисты» и «скептики» демонстрируют заметное единодушие: даже такой яркий представитель «оптимистов», как А. Ачарья, отмечает в своих работах [Acharya, 2013: 20] необходимость усиления механизмов контроля за исполнением сторонами взятых на себя обязательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колдунова Е.В. АСЕАН на современном этапе и проблемы региональной стабильности // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2016. № 28. С. 13–19.

2. Колдунова Е.В. Формирование сообщества АСЕАН: аспекты безопасности // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2007. № 10. С. 53–61.

⁶ASEAN Political-Security Community Blueprint 2025. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2016. Available at: <https://www.asean.org/storage/2012/05/ASEAN-APSC-Blueprint-2025.pdf> (accessed 19.03.2019).

3. Acharya A. *ASEAN 2030: Challenges of building a mature political and security community*. Tokyo: Asian Development Bank Institute, 2013.
4. Acharya A. *Collective identity and conflict management in Southeast Asia // Security communities / Ed. by E. Adler, M. Barnett*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 198–227.
5. Acharya A. *Constructing a security community in Southeast Asia*. London: Routledge, 2001.
6. Acharya A. *Do norms and identity matter? Community and power in Southeast Asia's regional order // Order and security in Southeast Asia: Essays in memory of Michael Leifer / Ed. by R. Emmers, J. Liow*. London: Routledge, 2006. P. 78–93.
7. Acharya A. *The myth of ASEAN centrality? // Contemporary Southeast Asia*. 2017. No. 39 (2). P. 273–280.
8. Acharya A. *Who are the norm makers? The Asian-African Conference in Bandung and the evolution of norms // Global Governance*. 2014. No. 20 (3). P. 405–417.
9. Adler E., Barnett M. *A framework for the study of security communities // Security communities / Ed. by E. Adler, M. Barnett*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 29–66.
10. Adler E., Barnett M. *Security communities in theoretical perspective // Security communities / Ed. by E. Adler, M. Barnett*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 3–28.
11. Alagappa M. *Asian security order: Instrumental and normative features*. Stanford: Stanford University Press, 2003.
12. Bellamy A. *Security communities and their neighbours: Regional fortresses or global integrators?* London: Palgrave Macmillan, 2004.
13. Chang F.K. *Economic and security interests in Southeast Asia // Orbis*. 2014. No. 58 (3). P. 378–391.
14. Chang J.Y. *Essence of security communities: Explaining ASEAN // International Relations of the Asia-Pacific*. 2016. No. 16 (3). P. 335–369.
15. Collins A. *Building a people-oriented security community the ASEAN Way*. New York: Routledge, 2013.
16. Deutsch K. *The analysis of international relations*. New Jersey: Prentice-Hall, 1988.
17. Deutsch K. *Political community and the North Atlantic area // The European Union: Readings on the theory and practice of European integration / Ed. by B.F. Nelsen*. 2nd ed. London: Palgrave Macmillan, 1998. P. 121–143.
18. Emmerson D. *Mapping ASEAN's futures // Contemporary Southeast Asia*. 2017. No. 39 (2). P. 280–288.
19. Emmerson D. *Shocks of recognition. Leifer, realism, and regionalism in Southeast Asia // Order and security in Southeast Asia: Essays in memory of Michael Leifer / Ed. by R. Emmers, J. Liow*. London: Routledge, 2006. P. 10–29.
20. Hsueh C. *ASEAN and Southeast Asian peace: Nation building, economic performance, and ASEAN's security management // International Relations of the Asia-Pacific*. 2016. No. 16 (1). P. 27–66.
21. Jenne N. *The Thai-Cambodian border dispute: An agency-centered perspective on the management of interstate conflict // Contemporary Southeast Asia*. 2017. No. 39 (2). P. 315–348.

22. Jones D.M. Weak states' regionalism: ASEAN and the limits of security cooperation in Pacific Asia // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2016. No. 16 (2). P. 209–240.
23. Jones L. ASEAN's unchanged melody? The theory and practice of 'noninterference' in Southeast Asia // *The Pacific Review*. 2010. No. 23 (4). P. 479–502.
24. Khoo N. The ASEAN security community: A misplaced consensus // *Journal of Asian Security and International Affairs*. 2015. No. 2. P. 180–199.
25. Khoo N. Deconstructing the ASEAN security community: A review essay // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2004. No. 4 (1). P. 35–46.
26. Khoo N. Is realism dead? Academic myths and Asia's international politics // *Orbis*. 2014. No. 58 (2). P. 182–197.
27. Leifer M. Regional solutions to regional problems? // *Towards recovery in Pacific Asia* / Ed. by G. Segal, D.S.G. Goodman. London; New York: Routledge, 2000. P. 108–118.
28. Natalegawa M. The expansion of ASEAN and the changing dynamics of Southeast Asia // *Contemporary Southeast Asia*. 2017. No. 39 (2). P. 232–239.
29. Peou S. Realism and constructivism in Southeast Asian security studies today: A review essay // *The Pacific Review*. 2002. No. 15. P. 119–138.
30. Snyder J. One world, rival theories // *Foreign Policy*. 2004. No. 145. P. 52–62.
31. Stein J.G. Detection and defection: Security 'regimes' and the management of international conflict // *International Journal*. 1985. No. 40. P. 599–627.
32. Tan S.S. A tale of two institutions: The ARF, ADMM-Plus, and security regionalism in the Asia Pacific // *Contemporary Southeast Asia*. 2017. No. 39 (2). P. 259–265.
33. Walt M. International relations: One world, many theories // *Foreign Policy*. 1998. No. 110. P. 34–46.
34. Weatherbee D.E. *International relations of Southeast Asia: The struggle for autonomy*. Lanham: Rowman and Littlefield Publishers, 2009.
35. Wendt A. Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics // *International Organization*. 1992. Vol. 46. No. 2. P. 391–425.
36. Woon W. The ASEAN Charter ten years on // *Contemporary Southeast Asia*. 2017. No. 39 (2). P. 245–252.

I.A. Nikiforov

ASEAN AS A SECURITY COMMUNITY: CHALLENGES OF CONCEPTUALIZATION

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

ASEAN Political-Security Community (APSC) is the ASEAN's newest and ambitious initiative aimed at maintaining peace in the region by establishing common norms and standards of good conduct. The launch of the APSC has provoked an intense debate among experts on ASEAN on whether the Association could be regarded as a security community in the

classic theoretical sense. The author examines arguments in the key participants of this debate and presents its own point of view. The paper shows that constructivist scholars led by A. Acharya argue that their interpretation of the classic security community concept is relevant to the situation in the Southeast Asia, which is characterized by a strong sense of regional identity and a constitutive political role of norms. Their opponents represented by realist scholars, such as N. Khoo and M. Leifer, demonstrate the irrelevance of constructivist ideas to the ASEAN realities and emphasize the inability of Southeast Asian states to build a functioning security community. The conclusion is drawn that while both approaches have their own drawbacks, it would be premature to choose one or the other because the establishment of the security community in the ASEAN is an ongoing process, which is still far from complete. Therefore, the most promising and relevant for current political situation in the region is a moderately critical approach that treats ASEAN as a security regime rather than a security community.

Keywords: ASEAN, ASEAN Community, ASEAN Political-Security Community, APSC, security community, constructivism, realism, security regime, norms, identity.

About the author: *Ilya A. Nikiforov* — PhD Candidate at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ake.nikiforov@gmail.com).

REFERENCES

1. Koldunova E.V. 2016. ASEAN na sovremennom etape i problemy regional'noi stabil'nosti [ASEAN at the present stage and the problems of regional stability]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, no. 28, pp. 13–19. (In Russ.)
2. Koldunova E.V. 2007. Formirovanie soobshchestva ASEAN: aspekty bezopasnosti [Development of the ASEAN Community: Security aspects]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, no. 10, pp. 53–61. (In Russ.)
3. Acharya A. 2013. *ASEAN 2030: Challenges of building a mature political and security community*. Tokyo, Asian Development Bank Institute.
4. Acharya A. 1998. Collective identity and conflict management in Southeast Asia. In Adler E., Barnett M. (eds.). *Security communities*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 198–227.
5. Acharya A. 2001. *Constructing a security community in Southeast Asia*. London, Routledge.
6. Acharya A. 2006. Do norms and identity matter? Community and power in Southeast Asia's regional order. In Liow J.C., Emmers R. (eds.). *Order and security in Southeast Asia: Essays in memory of Michael Leifer*. London, Routledge, pp. 78–93.
7. Acharya A. 2017. The myth of ASEAN centrality? *Contemporary Southeast Asia*, vol. 39, no. 2, pp. 273–280.
8. Acharya A. 2014. Who are the norm makers? The Asian-African Conference in Bandung and the evolution of norms. *Global Governance*, vol. 20, no. 3, pp. 405–417.

9. Adler E., Barnett M. 1998a. A framework for the study of security communities. In Adler E., Barnett M. (eds.). *Security communities*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 29–66.
10. Adler E., Barnett M. 1998b. Security communities in theoretical perspective. In Adler E., Barnett M. (eds.). *Security communities*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 3–28.
11. Alagappa M. 2003. *Asian security order: Instrumental and normative features*. Stanford, Stanford University Press.
12. Bellamy A. 2004. *Security communities and their neighbours: Regional fortresses or global integrators?* London, Palgrave Macmillan.
13. Chang F.K. 2014. Economic and security interests in Southeast Asia. *Orbis*, vol. 58, no. 3, pp. 378–391.
14. Chang J.Y. 2016. Essence of security communities: Explaining ASEAN. *International Relations of the Asia-Pacific*, vol. 16, no. 3, pp. 335–369.
15. Collins A. 2013. *Building a people-oriented security community the ASEAN way*. New York, Routledge.
16. Deutsch K. 1988. *The analysis of international relations*. New Jersey, Prentice-Hall.
17. Deutsch K. 1998. Political community and the North Atlantic area. In Nelsen B.F., Stubb A. (eds.). *The European Union: Readings on the theory and practice of European integration*. London, Palgrave Macmillan, pp. 121–143.
18. Emmerson D. 2017. Mapping ASEAN's futures. *Contemporary Southeast Asia*, vol. 39, no. 2, pp. 280–288.
19. Emmerson D. 2006. Shocks of recognition. Leifer, realism, and regionalism in Southeast Asia. In Liow J.C., Emmers R. (eds.). *Order and security in Southeast Asia: Essays in memory of Michael Leifer*. London, Routledge, pp. 10–29.
20. Hsueh C. 2016. ASEAN and Southeast Asian peace: Nation building, economic performance, and ASEAN's security management. *International Relations of the Asia-Pacific*, vol. 16, no. 1, pp. 27–66.
21. Jenne N. 2017. The Thai-Cambodian border dispute: An agency-centered perspective on the management of interstate conflict. *Contemporary Southeast Asia*, vol. 39, no. 2, pp. 315–348.
22. Jones D.M. 2016. Weak states' regionalism: ASEAN and the limits of security cooperation in Pacific Asia. *International Relations of the Asia-Pacific*, vol. 16, no. 2, pp. 209–240.
23. Jones L. 2010. ASEAN's unchanged melody? The theory and practice of 'non-interference' in Southeast Asia. *The Pacific Review*, vol. 23, no. 4, pp. 479–502.
24. Khoo N. 2015. The ASEAN security community: A misplaced consensus. *Journal of Asian Security and International Affairs*, no. 2, pp. 180–199.
25. Khoo N. 2004. Deconstructing the ASEAN security community: A review essay. *International Relations of the Asia-Pacific*, vol. 4, no. 1, pp. 35–46.
26. Khoo N. 2014. Is realism dead? Academic myths and Asia's international politics. *Orbis*, vol. 58, no. 2, pp. 182–197.
27. Leifer M. 2000. Regional solutions to regional problems? In Segal G., Goodman D.S.G. (eds.). *Towards recovery in Pacific Asia*. London, New York, Routledge, pp. 108–118.
28. Natalegawa M. 2017. The expansion of ASEAN and the changing dynamics of Southeast Asia. *Contemporary Southeast Asia*, vol. 39, no. 2, pp. 232–239.

29. Peou S. 2002. Realism and constructivism in Southeast Asian security studies today: A review essay. *The Pacific Review*, vol. 15, pp. 119–138.
30. Snyder J. 2004. One world, rival theories. *Foreign Policy*, no. 145, pp. 52–62.
31. Stein J.G. 1985. Detection and defection: Security ‘regimes’ and the management of international conflict. *International Journal*, vol. 40, pp. 599–627.
32. Tan S.S. 2017. A tale of two institutions: The ARF, ADMM-Plus, and security regionalism in the Asia Pacific. *Contemporary Southeast Asia*, vol. 39, no. 2, pp. 259–265.
33. Walt M. 1998. International relations: One world, many theories. *Foreign Policy*, no. 110, pp. 34–46.
34. Weatherbee D.E. 2009. *International relations of Southeast Asia: The struggle for autonomy*. Lanham, Rowman and Littlefield Publishers.
35. Wendt A. 1992. Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics. *International Organization*, vol. 46, no. 2, pp. 391–425.
36. Woon W. 2017. The ASEAN Charter ten years on. *Contemporary Southeast Asia*, vol. 39, no. 2, pp. 245–252.